

DOI 10.18522/2415-8852-2024-3-78-97

УДК 821.111(73)

ТОПОР КАК ВОПЛОЩЕНИЕ «АМЕРИКАНСКОГО» В «ПЕСНЕ О ТОПОРЕ» (“SONG OF THE BROAD-AXE”) УОЛТА УИТМЕНА

Евгения Владимировна Погадаева

аспирант кафедры мировой литературы и культуры, преподаватель кафедры лингвистики и перевода Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия)

e-mail: motus.animi.continuus13@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1655-2673

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа «американского» в поэзии Уолта Уитмена на материале его программной поэмы «Песня о топоре» (“Song of the Broad-Axe”). Актуальность исследования обусловлена значением Уолта Уитмена для мировой литературы, а также недостаточной изученностью «американского» в его творчестве. Кроме того, «Песня о топоре» ранее комплексно не изучалась с точки зрения онтологических основ «американского». В работе делается вывод о том, что, находясь в поиске онтологических оснований недавно возникшей Америки, поэт обращается к природным, докультурным, началам – дереву, металлу, которые, обрабатываемые человеком, превращаются в художественном мире поэмы в мифологизированный образ топора – универсального орудия, с помощью которого строится Новый мир. Топор в «Песне о топоре» выступает универсальным инструментом творчества, способным создавать материальные и нематериальные образы идеального локуса, Америки, а также американцев, граждан этого Нового мира, – людей смелых, свободных, независимых, творческих, предприимчивых, титанов, совершенных физически и морально, соединяющих в себе мужское и женское, пионеров, открывающих новые земли, людей, находящихся в становлении, беспрестанном движении вперед, которые в поэме, как и во всем творчестве Уитмена, выходят на уровень всеобщего, становясь людьми планетарного масштаба, гражданами мира. Топор, являясь воплощением привезенных из Европы ценностей, потерявших на новой земле свою европейскость, становится в поэме символом Америки, национальной мифологемой молодой нации, не имеющей ничего общего с дряхлой и порочной Европой.

Ключевые слова: «американское», Новый Мир, Новый Человек, онтологические основы «американского», пионеры, Уолт Уитмен, «Песня о топоре», “Song of the Broad-Axe”

Введение. Исследуемая нами поэма Уолта Уитмена «Песня о топоре» (“Song of the Broad-Axe”) из последнего издания «Листьев травы» (“Leaves of Grass”) 1892 г. впервые была опубликована в 1856 г. под названием «Поэма о топоре» (“Broad-Axe Poem”) и получила свое настоящее имя в 1867 г. «Песня о топоре» не раз переписывалась поэтом, в результате чего в последней своей редакции она, по словам А.Х. Розенфельда, стала «слишком запутанной мешаниной тем и проблем, не позволяющей в одной работе проанализировать все ее аспекты» [Rosenfeld: 354]. Действительно, ученые, посвящающие работы «Песне о топоре», анализировали совершенно разные стороны произведения: так, М.О. Мендельсон, рассматривая скорее политические, а не эстетические аспекты поэмы, видит в ней призыв к мятежу, борьбе за «правое дело», каранию всех неправых. Как утверждает исследователь, американцы обретут величие только тогда, когда они будут развиты духовно и полностью свободны от гнета (см.: [Мендельсон: 156, 160]). Как отмечает Т.Д. Венедиктова, центральным в «Песне о топоре» является творческое начало: Уитмен любит человека Строящим, строящим в широком смысле, и прежде всего формирующим самого себя. Высший результат такого строительства – Демократия, «мудрый закон “космоса”, воплощенный в человеческом общежитии» [Венедиктова: 70–72]. Дж. Миллер рассматривает топор с религиозной

точки зрения как «сложный символ, обозначающий одновременно индивидуальность и равенство, разобщенность и сплоченность, личность и народ», участвующий в поэме в развертывании идеи «мистической эволюции [mystic evolution]» Америки [Miller: 90]. А.Х. Розенфельд анализирует поэму с точки зрения психоанализа З. Фрейда: по мнению ученого, образ топора в поэме связывается в первую очередь с идеей любовного единения мужчин (“adhesiveness”), что и является воплощением Америки (см.: [Rosenfeld]). Несмотря на то что «Песня о топоре» была написана почти два века назад, она до сих пор до конца не исследована и ранее комплексно не изучалась с точки зрения онтологических основ «американского».

В данной работе, также не претендующей на всеохватность, мы рассмотрим развертывание в поэме «Песня о топоре» тематического образа топора, неразрывно связанного здесь с «американским». При исследовании поэмы мы опирались на классические работы по методике анализа поэтических текстов и работы, посвященные «монографическому» анализу отдельных стихотворений [Гаспаров 1997, 2012; Лейдерман; Лотман 1972, 1996; Сильман; Анализ одного стихотворения].

Авторский замысел. Топор в «Песне о топоре», как Уитмен намекает уже в первой главе поэмы, в сознании американцев является сложным, наполненным множеством смыслов символом: “long varied train of an

emblem” [Whitman: 331] [«длинный ряд единого символа»]¹. В первую очередь, символом Америки. Идея поэмы долго продумывалась Уитменом, что можно увидеть в его заметках, сделанных еще до публикации первого издания «Листьев травы» 1855 г., где Уитмен ставит себе следующую задачу: «Сделать топор символом Америки, способным заменить орла» [Notes and Fragments: 33]. Таким образом, авторская интенция Уитмена – создать новый, более точно выражающий истинную природу американцев, символ Америки, наполнив его своими мировоззренческими установками.

Композиция. «Песня о топоре» построена на развитии и трансформации тематического образа топора, ее лирическая композиция может быть определена как композиция градации. Поэма разделена на двенадцать глав, каждая из которых является новой ступенью в развитии центрального образа. Сюжетное построение поэмы подчиняется лирической композиции: в ней можно выделить две части, эмпирическую и обобщающую, философскую. Эмпирическая часть начинается поэму (главы I–II), затем на протяжении всех остальных глав эмпирическая и обобщающая части перемежаются, причем серия обобщений, впервые в поэме возникающая в конце третьей главы, на протяжении всего

произведения нарастает в своей значительности. С каждой главой лирическое напряжение усиливается и в итоге заканчивается смысловым пуантом, обобщающим все философские размышления о топоре и его связи с образом Америки. Приводимые Уитменом эмпирические факты и подробности не столько излагаются, сколько «излучаются» переживающим субъектом. Сюжет, таким образом, разворачивается отраженно, через переживания лирического «я».

Первая глава. В первом строфоиде первой главы, являющемся лирическим зачином поэмы, топор олицетворяется, на что указывают эпитеты “shapely” (‘привлекательный, обычно о теле’), “naked” (‘обнаженный’), “wan” (‘бледный и уставший, обычно о лице’), а также персонифицирующие метафоры, оживляющие топор: “head from the mother’s bowels drawn” [«голова из утробы матери извлечена»], “wooded flesh and metal bone” [«деревянная плоть и металлическая кость»], “limb only one and lip only one” [Whitman: 330] [«конечность одна и губа одна»]. Первая сравнивает топор с ребенком, появившимся из утробы матери, остальные указывают на то, что топор обладает человеческими органами – плотью, костью, конечностью и губой. С помощью метафоры “organ”, имеющей двойственное значение, ‘organ’ и ‘organ’, Уит-

¹ Здесь и далее – перевод «Песни о топоре» мой. – Е.П.

мен еще больше усложняет природу образа топора, сравнивая его одновременно с человеческим органом и с музыкальным инструментом. Также уже в первом строфоиде вводится тема слитности топора с природой, его неотделимости от нее. Металлическая часть с помощью метафоры “gray-blue leaf” [«сероголубой лист»] окрашивается в серо-голубой цвет и приобретает природную форму листа, а образ рукоятки связывается с образом дерева, извлекаемым из метонимии “helve produced from a little seed sown” [Whitman: 330] [«рукоять сделана из маленького посаженного семени»], где “seed sown” [«посаженное семя»] означает уже его конечное состояние – дерево. Образ дерева, один из центральных образов поэмы, вкупе с образом металла (два материала, из которых сделан топор) определяют появление всех других деревянно-металлических образов, составляющих ассоциативный фон, придающий необычайную смысловую емкость и глубину лирическому образу Америки, символом которой в этой поэме выступает топор.

Кроме того, в первой главе Уитмен использует синестезию¹. Образ топора, создаваемый Уитменом, пробуждает межчувственное воображение реципиента, апеллируя к зрению (цветовой эпитет “gray-blue”,

эпитеты “shapely”, “naked”, “wan”, “strong”, относящиеся к форме и облику топора), осязанию (“wooded flesh”, “metal bone”), слуху (“dabs of music” [«удары музыки»], “fingers of the organist skipping staccato over the keys of the great organ” [Whitman: 330–331] [«пальцы органиста, выстукивающего стаккато на клавишах большого органа»]), вызывающие звуковые ассоциации прерывистого, повторяющегося стука топора, превращающегося в орган). Стук топора отчетливее всего слышен в первом строфоиде первой главы – единственном строфоиде поэмы, написанном четырехстопным хореем, почти без отступлений от размера. Каждый стих первого строфоида заканчивается мужской клаузулой, что еще больше подчеркивает ассоциацию с прерывистыми и резкими звуками ударов топора.

Звуковая инструментовка играет важную роль в этой части поэмы: все стихи первого строфоида имеют одну консонансную рифму (“wan – drawn – one – sown – upon – on”). Кроме того, первый, пятый и шестой стихи – один стих, начинающий строфоид, и два заканчивающих его стиха – связаны одной ассонансной рифмой (“wan – upon – on”). Появление рифмы, а также регулярное чередование ударных и безударных слогов в

¹ Под синестезией вслед за Т.Э. Никитиной мы понимаем «явление восприятия, когда совмещаются ощущения разных органов чувств» [Никитина].

лирическом зачине поэмы Уитмена является «минус-приемом», который подготавливает читателя к серьезным философским размышлениям, намеченным далее (начиная со второго строфоида первой главы) и излагаемых верлибром – инструментом, с помощью которого Уитмен вскрывает глубины бытия, погружается в природу «американского».

Вторая глава. Во второй главе поэмы Уитмен применяет характерные для него синтаксические конструкции: анафору, связывающую каждый стих главы, синтаксический параллелизм, каталогизацию. Анафора “welcome” (‘добро пожаловать’) начинает первые одиннадцать стихов, “lands” (‘земли’) завершает строфоид.

Перечисляя, казалось бы, «все существующие в мире земли [all earth’s lands]» [Whitman: 331], Уитмен ограничивается, однако, полезными ископаемыми и сельскохозяйственными культурами, которые можно найти на территории США, тем самым ставя знак равенства между Америкой и всем миром. Строфоид заканчивается суммирующей все данные в нем бесконечные перечисления строкой “Lands of iron – lands of the make of the axe” [Whitman: 331] [«Земли железа – земли, где создается топор»], указывающей на то, что нет ничего лучше земель, где добывается железо и производится топор – самое важное орудие человека из всех существующих.

Третья глава. Третья глава также представляет собой каталог, связанный синтак-

сическим параллелизмом и анафорой “the”, начинающей почти каждый стих самого длинного строфоида в этой поэме. В ней Уитмен, отталкиваясь от образа топора, который появляется уже в первом стихе главы (“The log at the wood-pile, the axe supported by it...” [Whitman: 331] [«Чурбан в груди поленьев, топор воткнут в него»]), начинает разматывать клубок образов, бесконечно всплывающих в потоке сознания ассоциаций, связанных с топором и одновременно с Америкой.

В образно-смысловом отношении лирический сюжет главы можно разделить на несколько частей. Глава начинается с прибытия колонизаторов в Северную Америку: Уитмен использует древний топос плавания по океану, связанный в поэме с пересечением границы между мирами (Старым и Новым Светом) – предприятием опасным, сопровождаемым штормом, ведущим к переменам, к новой жизни, к новому возрождению. Открываемый переселенцами первозданный мир в первую очередь ассоциируется у поэта с деревом (“The sentiment of the huge timbers of old-fashion’d houses and barns”):

<...> The thought of ships struck in the storm and put on their beam ends, and the cutting away of masts,

The sentiment of the huge timbers of old-fashion’d houses and barns,

The remember’d print or narrative, the voyage at a venture of men, families, goods,

The disembarkation, the founding of a new city,

The voyage of those who sought a New England and found it...

[Whitman: 331]

[<...> Мысль о кораблях, попавших в шторм и опрокинутых им, срубание мачт,

Ощущение огромных бревен старинных домов и амбаров,

Запомнившиеся гравюра или рассказ, плавание наугад мужчин с семьями и скарбом,

Высадка на сушу, основание нового города,

Плавание тех, кто искал Новую Англию и нашел ее...]

Топосы путешествия и создания нового мира, которые также заметны в этой главе, не менее древние, чем топос хождения по океану. Это признает и сам Уитмен, называя колонизацию Америки чем-то до боли знакомым (“the remember’d print or narrative”): освоение новых земель, обустройство на них представлены как изначально свойственные миру. В этот ряд деяний (как нечто закономерное) включается колонизация Америки и вслед за ней – освоение западных земель континента.

Кроме того, называя завоевание Америки историей, нарративом (“narrative”) и гравюрой (“print”), поэт указывает на то, что факт этого завоевания также запечатлен во многих произведениях искусства, как в вербальных, так и в визуальных. «Поэма о топоре» таким образом является продолжением нарратива об Америке.

Колонизаторы Америки, как затем и пионеры, осваивающие запад континента, понимали, что перед ними открылись бескрайние неизведанные пространства, и начать их исследование можно было с любой точки континента: “the outset anywhere” [Whitman: 331] [«точка отсчета в любом месте»]. Построение Нового мира сначала шло медленно, пища была скудной, однако преодолеть все трудности и освоить континент американцу помогли три вещи: топор, винтовка и переметная сума: “The slow progress, the scant fare, the axe, rifle, saddle-bags...” [Whitman: 332] [«Медленный прогресс, скудная пища, топор, винтовка, переметная сума»]. Два последних образа наряду с образом топора дополняют сложный образ Америки Уитмена, неотделимый от мотивов открытия новых горизонтов и переустройства мира, а также темы пионерства, в использовании которых заметно эпическое дарование поэта. Красоту этого Нового мира, а также людей, его строящих, – предприимчивых, смелых – Уитмен усиливает анафорой “the beauty of...”:

<...> The beauty of all adventurous and daring persons,

The beauty of wood-boys and wood-men with their clear untrimm’d faces,

The beauty of independence, departure, actions that rely on themselves...

[Whitman: 332]

[<...> Красота всех предприимчивых и смелых людей,

Красота дровосеков, мальчишек и мужчин, с их чистыми необтесанными лицами,

Красота независимости, отъезда, решительных действий...]

Именно дровосеки, вышедшие из мира природы, будто бы выстроганные из дерева (“untrimm’d”), строят Новый мир. При этом образ дровосека неразрывно связан не только с темой природы, но и с темой старости и молодости, которая является одной из ключевых для создания образа Америки в поэме. Дровосеки в «Песне о топоре» – мальчики и мужчины, молодые и сильные ребята (“wood-boys”, “wood-men”). Переходя от образа дровосека к образу американца, Уитмен рисует молодую нацию людей независимых, самодостаточных, решительных (“independence, departure, actions that rely on themselves”), людей, обладающих всеми лучшими качествами, людей, превзошедших европейцев, Старый Свет.

В «Песне о топоре» Уитмен представляет и другие качества национального характера американцев. Они свободны, презирают уставы и обряды, всевозможные ограничения (“The American contempt for statutes and ceremonies, the boundless impatience of restraint...” [Whitman: 332] [«Неприятие американцами уставов и церемоний, безграничное чувство свободы»]). Они непостоянны,

подвижны и подвержены изменениям: (“the loose drift of character” [Whitman: 332] [«свободное дрейфование личности»]). Они, оказавшиеся в плавильном котле культур и народностей, очень разные (“the inkling through random types” [Whitman: 332] [«сквозь них высвечиваются разные люди»]). При этом американцы, несмотря на то что они обладают противоречивой, разнообразной природой, – единая, нерушимая, как глыба, нация; Уитмен здесь употребляет слово “the solidification” [Whitman: 332] (‘отвердевание’). Именно такая пестрота американского характера, объединившего в себе черты различных культур, вероятно, даже предопределяет выход лирического героя поэмы – американца – на уровень всеобщего, общемирового, позволяя ему стать человеком планетарного масштаба, гражданином мира.

Затем в поэме Уитмен предлагает ряд образов, связанных со следующим смысловым пластом – применением топора. Сначала упоминаются профессии (ремесла, виды деятельности), в которых применяется топор. При их перечислении Уитмен использует градацию, доходя до самого важного образа – образа создателя топора. Итак, в каталоге сначала появляются мясник, матросы, плотовщик; после них – пионер, причем “pioneer” (‘пионер’) становится ударным словом, несущим на себе наибольшую смысловую нагрузку, так как именно им заканчивается первая из строк-перечислений профессий:

“The butcher in the slaughter-house, the hands aboard schooners and sloops, the raftsmen, the pioneer...” [Whitman: 332] [«Мясник на скотобойне, матросы на шхунах и шлюпах, плотовщик, пионер»], что подчеркивает особую значимость пионерства для Америки. Затем появляется образ лесоруба, которому Уитмен посвящает три стиха (представители иных видов деятельности до этого лишь перечислялись). Здесь лесоруб представляется частью природы, человеком, будто бы живущим первобытной жизнью:

<...> Lumbermen in their winter camp, daybreak
in the woods, stripes of snow on the limbs of trees, the
occasional snapping,

The glad clear sound of one's own voice, the merry
song, the natural life of the woods, the strong day's
work,

The blazing fire at night, the sweet taste of supper,
the talk, the bed of hemlock-boughs and the bear-
skin...

[Whitman: 332]

[<...> Дровосеки на зимовье, рассвет в лесу, снег
на ветвях, периодический треск сучьев,

Радостный чистый звук твоего собственного

голоса, веселая песня, естественная лесная жизнь,
тяжелая дневная работа,

Пламя костра ночью, вкусный ужин, разговор,
кровать из тсуговых веток и медвежьей кожи...]

Далее определяется новый смысловой сдвиг: поэт, продолжая каталог деятельностей, переходит к строителю, одной из самых важных для художественного мира произведения профессий. Детально, по-журналистски точно¹ описывая постройку всевозможных конструкций – домов, складов, верфей, мостов, пристаней, паромов, судов – и все манипуляции, с этим связанные, вплоть до обтески, распилки бревен, пригонки столбов в гнезда, укладки кирпича, обтесывания мачты, Уитмен рисует деятельность плотников и каменщиков, главных строителей Нового мира. Однако длинная цепочка действий по строительству прерывается пожаром, что в поэтическом мире «Песни о топоре» не составляет трагедии. Наоборот, поэт отмечает отвагу приехавших на помощь пожарных, топором (что угадывается из стихов) взламывающих полы, под которым тлеет пламя. Топор здесь представлен как орудие разрушения, но разрушения ради спасения, разрушения ради создания нового.

¹ Уитмен, как известно, на протяжении всей жизни (и особенно активно перед началом литературной карьеры) работал журналистом, что отразилось в его поэтических произведениях в скрупулезном, точном перечислении деталей, участвующих в раскрытии авторского замысла.

Лирический сюжет развивается дальше: система образов, участвующих в создании тематического образа топора, расширяется. Предпоследний смысловой блок третьей главы поэмы связан с металлом – материалом, из которого сделана вторая часть топора. В художественном мире произведения тот, кто добыл и обработал железо, сварщик, закальщик, стоят выше всех остальных людей, поскольку именно они создали топор, универсальное орудие, способное, кажется, на все.

Третья глава заканчивается цепочкой образов людей, использующих топор на протяжении всего времени его существования в целях как благих, так и низких и жестоких. Наихудшим из всех возможных применений топора видится его использование во время войны: именно строка “The hell of war, the cruelties of creeds...” [Whitman: 334] [«Ад войны, жестокие убеждения»] заканчивает длинный каталог насильственных деяний, совершенных с помощью топора, указывая на наивысшее зло (такое видение войны свойственно в целом для всей поэтики Уитмена). Образ топора вбирает в себя как положительные, так и отрицательные деяния человека, высвечивает как сильные, так и слабые его стороны. Таким образом, топор – бытовая, конкретная реальность – в художественной системе произведения мифологизируется и возводится в степень онтологической категории:

<...> The list of all executive deeds and words just or unjust,

The power of personality just or unjust.

[Whitman 334]

[<...> Список всех совершенных деяний и сказанных слов, правых и неправых,

Могущество личности, правой и неправой.]

Четвертая глава. Развитие идеи двойственной природы образа топора – не только строящего, но и разрушающего, сеющего не только жизнь, но и смерть – заметно и в четвертой главе:

Muscle and pluck forever!

What invigorates life invigorates death...”

[Whitman: 334]

[Мускулы и отвага навсегда!

То, что усиливает жизнь, усиливает и смерть...].

Именно здесь, в четвертой главе, можно найти так называемую «основную точку отсчета» всей поэмы (понятие Т.И. Сильман), решающий момент ее лирической концентрации: в тематическом развитии произведения происходит переход от чувственно-конкретного, единичного к общему. Вещные каталоги сменяются онтологическими идеями важности человека, его избранничества, уникальности, до Уитмена уже развиваемые романтиками (как европейскими, так и

американскими), особенно Р.У. Эмерсоном, продвигавшим концепцию «доверия к себе» (Self-Reliance). Будущее Америки Уитмен видит в американце, наделенном всеми самыми лучшими качествами, и именно такому человеку отведена главная роль в построении и сохранении Нового мира:

<...> And nothing endures but personal qualities.

<...> A great city is that which has the greatest men and women,

If it be a few ragged huts it is still the greatest city in the whole world.

[Whitman: 334–335]

[<...> И ничто не вечно, кроме личных качеств.

<...> Великий город – тот, в котором живут великие мужчины и женщины,

Даже если в нем всего лишь две-три ветхих лачуги, это по-прежнему самый великий город в мире.]

Как видно, в поэме Уитмена выстраивается следующая цепочка укрупняющихся от главы к главе и связанных между собой образов: дерево – металл – топор – создатель топора – человек (одновременно человек вообще и американец). Исходный образ дерева – первооснова в художественном мире поэмы, первоэлемент, из которого органически вырастают все другие образы, – неразрывно связан с образом почвы, из которой дерево появилось (“from a little seed sown” [Whitman: 330] [«из маленького посаженного семени»]).

Вся система образов так или иначе теллуристична, неотделима от образа почвы: не только дерево, но и сам топор вырастает из нее. Человек также неразрывно с ней связан: и пионер, осваивающий новые земли, и колонизатор, старающийся укорениться на новой земле. Эти основания позволяют Уитмену в поэме уравнивать между собой образы земли и человека: “For the roughness of the earth and of man encloses as much as the delicatessen of the earth and of man...” [Whitman: 334] [«Суровость земли и человека не меньше нежности земли и человека»].

Пятая глава. В пятой главе поэт продолжает разрабатывать возникший в четвертой главе образ идеального города (употребленный в поэме метонимично, образ города означает, скорее, страну) и горожан (или граждан) в нем живущих. Идеальный город, самую лучшую страну – для Уитмена в первую очередь Америку – создают и ведут за собой ораторы и барды, которые должны быть физически сильными и мускулистами: “the brawniest breed of orators and bards” [Whitman: 335] [«дюжее племя ораторов и бардов»]. Мотивы физической силы, мужества, решительности, образы мускул, встречающиеся на протяжении всей поэмы, участвуют в развертывании образа американца. В пятой главе эти мотивы и образы впервые в поэме сливаются с образом поэта (барда, оратора), что создает гибридный образ американца – творца и одновременно атлета,

сильного и созидательного. Характерные для романтиков вера в бесконечные творческие способности человека, титанизм героя, обладающего незаурядной физической мощью, отраженные в образе американца в «Песне о топоре», свойственны в целом всему творчеству Уитмена.

Идеальная страна, по Уитмену, – та, где к поэтам прислушиваются, где их понимают: “Where the city stands that is belov’d by these, and loves them in return and understands them <...> There the great city stands” [Whitman: 335] [«Там, где он любим поэтами и бардами и где он любит их в ответ и понимает их <...> Вот где великий город»]. Здесь проявляется вера Уитмена в дидактическую функцию литературы, способной сплотить людей, воспитать великих личностей, дать им единые общественные и этические идеалы, быть для граждан страны образцом нравственности, способным противостоять моральному разложению (см.: [Allen: 131]). Романтическая идея о великих личностях, ведущих страну вперед, возникла у Уитмена, вероятно, после чтения и рецензирования книги Т. Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории» (“On Heroes, Hero-Worship, & the Heroic in History”, 1841) (см.: [Smith: 1147]).

В пятой главе Уитмен представляет утопическое понимание наилучшего миропорядка. Он вдохновлен идеями просветителей, прежде всего Т. Джефферсона и Т. Пейна, яростно выступающих против феодализма

и выражающих интересы народа, а также американских романтиков, в первую очередь трансценденталистов Р.У. Эмерсона и Г.Д. Торо, обращавшихся в своих произведениях к аболиционистской тематике, стремящихся преобразовать жизнь, сделать ее более справедливой (см.: [Венедиктова: 21–23]). Наилучшее общество – общество свободное и демократическое, где нет рабства, где все, мужчины и женщины, равны между собой, это общество простых людей, людей благоумных, беспристрастных. Поэт перечисляет свои идеи с помощью анафоры “where” (‘где’). К концу главы она превращается в “where the city of the...” [«великий город там, где самые»] с определенным артиклем “the”, являющимся частью превосходной степени прилагательного – эпитета, описывающего американцев, подчеркивающего превосходство американцев над другими народами:

<...> Where the city of the faithfulest friends stands,
Where the city of the cleanliness of the sexes stands,
Where the city of the healthiest fathers stands,
Where the city of the best-bodied mothers stands,
There the great city stands.

[Whitman: 336]

[<...> Там, где самые верные друзья,
Там, где самые непорочные мужчины и женщины,
Там, где самые здоровые отцы,
Там, где самые крепкие матери,
Вот где великий город.]

Шестая глава. В шестой главе вновь возникает образ сильного великого человека, в художественном мире Уитмена равный образу американца. Новый Человек – американец, строящий Новый мир, ставится Уитменом в центр вселенной, он заключает в себе всю человеческую мощь:

All waits or goes by default till a strong being appears;

A strong being is the proof of the race and of the ability of the universe...

[Whitman: 336]

[Все находится в ожидании или движется по инерции, пока не появится великая личность;

Великая личность – доказательство силы народа и мощи Вселенной...].

Новый Человек, приплывший к берегам Америки, пионер, осваивающий дикий Запад, заново воссоздают мир, отвергая мир старый, европейский: “The old customs and phrases are confronted, turn'd back, or laid away” [Whitman: 336] [«Старые обычаи и мысли проверяются, отвергаются»]. Они подчиняют себе все материальное: “materials are overaw'd” [Whitman: 336] [«материальное благоговеет»]. Сильная личность, наделенная самыми лучшими качествами, в поэме как будто бы содержит в себе истину бытия, ответ на онтологический вопрос о том, каким должен быть человек, чтобы его жизнь

имела смысл, – вопрос, терзающий американцев того времени, зыбко стоящих на еще не отвердевшей почве нового, но уже многообещающего мира:

Where are your jibes of being now?
Where are your cavils about the soul now?”

[Whitman: 336]

[Где теперь ваши насмешки над жизнью?

Где теперь ваши придирки к душе?].

Седьмая глава. В седьмой главе мотив превосходства человека над вещественным миром и образ идеального мира переплетаются: американцу доступны все нескончаемые материальные богатства Америки: “What always served and always serves is at hand...” [Whitman: 336] [«То, что служило человеку во все времена и все еще служит – под рукой»]. Среди них полезные ископаемые, руда, которую можно переплавить во что угодно (вновь возникает образ металла, первоэлемента), и, самое главное, из нее можно сделать топор, универсальное и лучшее орудие человека: “Than this nothing has better served, it has served all...” [Whitman: 337] [«Ничто не служило лучше него, он служил всем»]. В этой главе Уитмен не только повторяет идею об исключительной значимости топора в сознании американцев, но и продолжает цепочку деяний, совершенных с помощью топора, начатую в третьей главе,

что подчеркивает двойственную природу этого тематического образа, созидającego и разрушающего.

Восьмая глава. В следующей главе в развитии образа топора происходит явный сдвиг: вперед выдвигаются его положительные качества – качества орудия созидającego, а не разрушающего. Топор, пришедший из прошлого, из Европы, окрашен кровью, связан со смертью, нашедшей воплощение в образе европейского палача:

Whom have you slaughter'd lately European
headsman?

Whose is that blood upon you so wet and sticky?
[Whitman: 337].

[Кого ты недавно обезглавил, европейский палач?

Чья кровь на твоих руках, мокрая и липкая?].

Америка же, континент будущего, жизни и справедливости, лишена европейской жестокости:

I see the headsman withdraw and become useless,
I see the scaffold untrodden and mouldy, I see no
longer any axe upon it"
[Whitman: 338]

[Я вижу, палач уходит, он больше не нужен,
Я вижу эшафот, он заброшен и покрыт плесенью,
я больше не вижу на нем топора].

В Америке топор находит себе новое применение: он становится символом живой, молодой, обладающей наилучшим мироустройством нации, которая заслоняет и превосходит во всем старую закостеневшую Европу: "I see the mighty and friendly emblem of the power of my own race, the newest, largest race" [Whitman: 338] [«Я вижу мощный дружеский символ силы моего народа, самой передовой, самой огромной нации»].

Девятая, десятая, одиннадцатая главы. В девятой и десятой главах тематический образ топора связывается с новым каталогом деревянных вещей, конструкций, построений, создаваемых с помощью топора (образов, соединяющих в себе теллуристическое и технократическое). Этот список образов, являющийся продолжением каталога, начатого в третьей главе, замыкает кольцевую композицию поэмы. В девятой главе и первом строфоиде десятой главы образы каталога окрашены положительно, во втором строфоиде десятой главы – отрицательно, в третьем строфоиде десятой главы образы, связанные с топором, имеют амбивалентную природу.

К концу поэмы развертывание образа топора находит свое завершение: когда-то – символ Европы, он окончательно становится символом Америки. Американцы, пришедшие из европейских земель, принесли с собой на новый континент европейские ценности, обычаи, традиции (или, иными словами, принесли с собой топор, изначально заклю-

чающий в себе европейское). С одной стороны, на базе европейского, с другой – в противовес ему, они создают Новый мир, присваивая себе топор, преобразуя его, превращая его в символ Америки. С помощью топора американцы творят новый локус, его новый нарратив и формирующие его новые, прежде всего деревянные, природные образы. Дерево, выступая первоматерией, первоосновой в поэтической системе произведения, превращается в мифообраз, который бесконечно разрастается и порождает все новые и новые формы, новые кирпичики, или, скорее, балки, доски и бревна, из которых строится Америка Уитмена. На это указывает не только содержание последующих глав, но и цепочка рефренов, начинающихся с “The axe leaps!” [Whitman: 338] [«Топор взлетает»], первой строки второго строфоиды IX главы поэмы. Эта строка резонирует в синтаксически параллельном ей повторяющимся пять раз рефрене “The shapes arise” [Whitman: 339] [«Возникают образы»], начинающем второй и третий строфоиды IX главы, а также первый, второй и третий строфоиды X главы. Рефрен затем в XI главе трансформируется в “Her shape arises...” [Whitman: 340] [«Ее образы возникают»], в XII главе – в “The main shape arise!” [Whitman: 341] [«Главные образы возникают!»].

Местоимение “her” (‘ее’) из рефрена “Her shape arises...” («Ее образы возникают»), как мы полагаем, относится в поэме к Америке,

которая наделяется женской природой. Далее, в одиннадцатой главе Америка окончательно олицетворяется и наделяется такими качествами, как невинность, чистота, благообразие, смекалка, смелость, гордость, сдержанность. Однако границы гендера Америки, скорее, размыты, что заметно и в самом ее символе, топоре (мужском орудии), выступающем как воплощение мужского и женского одновременно.

Кроме того, существование Америки подчиняется закону природы – поэтом вновь и вновь повторяется мысль о предопределенности (закономерности) появления Америки и освоения ее земель. Уитмен настаивает на этой идее и в поэме, и во всем своем творчестве, что, безусловно, неслучайно: в Америке в ту эпоху была распространена концепция «Предопределения судьбы» или «Явного предназначения» (Manifest Destiny), подчеркивающая исключительность американцев, их особую судьбу, безгреховность их деяний перед богом (см.: [Сиротинская]).

Двенадцатая глава. После того как Америка в художественном пространстве поэмы получает свои очертания, она наполняется идеологически: Америка в «Песне о топоре» – вечно творимая, находящаяся в процессе становления “Shapes ever projecting other shapes” [Whitman: 341] [«Образы, создающие все новые образы»]. Она отталкивается от многовекового европейского опыта и берет лучшее из него: “Shapes of Democracy total, result of

centuries” [Whitman: 341] [«Образы Демократии, взятой в ее тотальности, достигаемой веками»]. Двери Америки открыты всем: “Shapes of the friends and home-givers of the whole earth” [Whitman: 341] [«Образы друзей, готовых предоставить кров, по всей земле»]. В ней все люди – откуда бы они ни были – едины, и сам американец в лирическом мире Уитмена не только гражданин Америки, но и «Земножитель», ощущающий связь со всеми людьми планеты: “Shapes bracing the earth and braced with the whole earth” [Whitman: 341] [«Образы, крепящие всю землю и крепнущие вместе со всей землей»]. Америка Уитмена поднимается под знаком демократии, символом которой также выступает топор.

Интересно, что в поздних редакциях «Песни о топоре» Уитмен значительно изменял последнюю обобщающую часть поэмы, связанную с возникновением новых форм и образов. Так, в издании 1856 г. перед строкой “Her shape arises!” [«Ее образы возникают!»] можно увидеть строфоид, который Уитмен уже не включал в следующие после 1860–1861 гг. издания «Листьев травы». Приведем первый стих, с которого начинается этот строфоид, описывающий людей Нового мира: “Their shapes arise, the shapes of full-sized men!” [«Их образы возникают, образы полноценных людей!»]. В издании 1860–1861 гг. стих трансформируется в “Their shapes arise, above all the rest – the shapes of full-sized men...” [«Их образы возникают над всеми остальными – образы полноценных лю-

дей»]. Кроме того, в первых изданиях 1856 г. и 1860–1861 гг. после строфоида, посвященного в последнем издании, как было сказано, Америке и возникающим американским образам, шла часть, начинающаяся со слов “His shape arises!” [«Его образы возникают!»], в которой «возникал» теперь еще и мужской образ идеального американца: “His shape arises <...> Of pure American breed, of reckless health, his body perfect, free from taint from top to toe...” [Leaves of Grass ... : 630] [«Его образы возникают <...> чистокровного американца с железным здоровьем, с совершенным от макушки до пят телом без единого изъяна»].

Отказавшись в поздних изданиях «Листьев травы» от частей “Their shapes arise...” [«Их образы возникают»] и “His shape arises...” [«Его образы возникают»], Уитмен еще сильнее обобщил концовку «Песни о топоре», придав поэме большую иносказательность и символичность. В ранних изданиях строфоиды “Their shapes arise...” [«Их образы возникают»], “Her shape arises...” [«Ее образы возникают»], “His shape arises...” [«Его образы возникают»], следующие друг за другом, рисовали сначала всех жителей США, затем – типичных американца и американку. В поздних же изданиях, где концовки становятся более абстрактными, в образе «ее» (“her”) уже невозможно увидеть американку, «она» превращается в Америку.

Невключение в последние издания «Листьев травы» частей “Their shapes arise...”

[«Их формы возникают»] и “His shape arises...” [«Его формы возникают»] и сохранение части “Her shape arises...” [«Ее формы возникают»] может быть также объяснено желанием Уитмена приравнять мужское и женское в поэме, в которой почти до самого конца мужское явно превалировало над женским. Образы, впервые упоминавшиеся еще в первой главе поэмы (“Strong shapes and attributes of strong shapes, masculine trades, sights and sounds...” [Whitman: 330] [«Образы силы и признаки образов силы, мужские ремесла, навыки и звуки»]), замыкают произведение – мужские образы встречаются с женскими, сливаются с ними, становятся неотделимы от них. Таким образом, поэма имеет не только прогрессирующую, развивающуюся, но и одновременно кольцевую композицию (такая противоречивая двойственность – одновременные цикличность и развитие – свойственны в целом поэтическому универсуму Уитмена (см.: [Погадаева: 102])).

Может показаться, что, исключив из более поздних изданий названные части, Уитмен отказался от чрезмерной титанизации американца. Однако результат видится противоположным. Отобрав лишь самые острые строчки-концентраты идей, передающие авторские онтологические установки, поэт несколько не умаляет величие американцев, способных на все, прогрессивных, сильных, смелых, идущих вперед. Проведя компрессию текста, рисуя картину большими мазками, в последних из-

даниях поэт представляет жителей Америки с еще большим эпическим размахом, выводя американца на уровень космический, универсальный.

Заключение. Итак, в поэме «Песня о топоре» Уитмен, находясь в поисках национальной идентичности американца, желая найти онтологические основания собственной недавно возникшей цивилизации, обращается к природным, докультурным началам – дереву, металлу, которые, обрабатываемые человеком-демиургом, превращаются в мифологизированный образ топора – универсального инструмента, с помощью которого в поэме строится Новый мир.

В первой главе заметно сгущение образов, присутствие сложных, многоуровневых метафор, метонимии, синестезии, что выделяет первую, вводную главу на фоне других глав, где происходит дальнейшее приращение образа топора: образы – не менее сложные, чем в первой главе – разворачиваются в них уже на уровне большого текстового пространства и составляют совокупность многих образно-тематических векторов, зачастую хаотично разрастающихся, как трава (этот феномен, свойственный всей поэзии Уитмена, Г.У. Аллен называет «органическим методом» [Allen: 15], однако все из них, возбуждая лавину ассоциаций, сливаясь в единое эмоциональное мироощущение, участвуют в смысловом усложнении образа топора, становящегося к концу стихотворения истинным символом Америки.

Американцы в поэме, как и недавно появившаяся Америка (которая в поэме олицетворяется и возникает закономерно, словно воплощая закон природы), находятся в состоянии становления, изменения, развития, движения вперед. Американцы природны, естественны, в них слито мужское и женское. Кроме того, они очень разнородны и представляют собой сплав различных культур. Это нация людей, обладающих всеми самыми лучшими качествами: американцы предстают смелыми, гордыми, решительными, творческими, независимыми, свободными. Стремление американца обрести свободу заметно и в пересечении океана, и в поиске нового места обитания, и в пионерстве – освоении диких западных земель.

«Песню о тополе» можно назвать настоящим гимном бесконечным созидательным возможностям человека вообще и американца в частности. Олицетворяющий собой одновременно подъем материальной цивилизации и духовное развитие человека, топор способен создавать и материальные, и нематериальные образы. Топор в поэме выступает как универсальный инструмент творчества и как будто приравнивается к перу – как и поэт формирует образы (“shapes”) Нового мира, Америки, идеального локуса, авангарда мира и «выстрагивает» новых граждан этого мира, титанов, совершенных физически и морально, которые в поэтическом мире Уитмена, как и во всем его творчестве, выходят на уровень

всеобщего, планетарного, универсального, выступая гражданами мира. Топор, являясь также символом привезенных из Европы ценностей, норм, традиций, конвенций, на новой земле, преобразовавшись до неузнаваемости, теряет свою европейскость и становится национальной мифологемой, самостоятельным символом новой молодой и чистой нации, ничуть не похожей на дряхлую и порочную Европу.

Литература

Анализ одного стихотворения / под ред. В.Е. Холшевникова. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1985.

Венедиктова, Т.Д. Поэзия Уолта Уитмена. М.: Издательство МГУ, 1982.

Гаспаров, М.Л. Лингвистика стиха. Анализы и интерпретации // Избранные труды в 4 тт. М.: Языки славянской культуры, 2012. Т. 4.

Гаспаров, М.Л. О стихах // Избранные труды в 4 тт. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 2.

Лейдерман, Н.Л. Лирические жанры: в «царстве субъективности» // Теория жанра. Исследования и разборы. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2010. С. 305–424.

Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972.

Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб: Искусство–СПб, 1996.

Мендельсон, М.О. Жизнь и творчество Уитмена. М.: Наука, 1965.

Никитина, Т.Э. Синестезия как художественный прием в произведениях И.А. Бунина // Язык. Культура. Коммуникации. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.su.ru/lcc/article/view/273/400> (дата обращения: 13.05.24).

Погадаева, Е.В. Америка как бытийная субстанция в творчестве Уолта Уитмена (на материале поэм *Song of Myself* и *Starting from Paumanok*) // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2023. № 4. С. 97–108. DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.010

Сильман, Т.И. Заметки о лирике. Л.: Советский писатель, 1977.

Сиротинская, М.М. Идея «Предопределения судьбы» в восприятии американских современников: середина XIX в. // Вестник РГГУ. № 2. 2017. С. 101–113.

Allen, G.W. (1975). *The new Walt Whitman handbook*. New York: New York University Press.

Bradley, S., & Blodgett, H.W. (Eds.). (1973). *Leaves of grass: authoritative texts, prefaces, Whitman on his art, criticism*. New York, London: W.W. Norton & Company.

Bucke, R.M. (Ed.). (1899). *Notes and fragments*. London, Ontario, Canada: A. Talbot & Co.

Miller, J.E. (1966). The “Broad-axe”: arising shapes. In J.E. Miller, *A critical guide to Leaves of grass*. Chicago: University of Chicago Press, 90–103.

Rosenfeld, A.H. (1968). The eagle and the axe: a study of Whitman’s “Song of the broad-axe”. *American Imago*, 4, 354–370.

Smith, F.M. (1940). Whitman’s poet-prophet and Carlyle’s hero. *PMLA*, 4, 1146–1164.

Whitman, W. (2011). *Leaves of grass*. New York: Library of America.

References

Allen, G.W. (1975). *The new Walt Whitman handbook*. New York: New York University Press.

Bradley, S., & Blodgett, H.W. (Eds.). (1973). *Leaves of grass: authoritative texts, prefaces, Whitman on his art, criticism*. New York, London: W.W. Norton & Company.

Bucke, R.M. (Ed.). (1899). *Notes and fragments*. London, Ontario, Canada: A. Talbot & Co.

Gasparov, M.L. (1997). О stikhakh [On verses]. In M.L. Gasparov, *Izbrannyye trudy* [Selected works] (Vol. 2). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.

Gasparov, M.L. (2012). Lingvistika stikha. Analizy i interpretatsii [Linguistics of verse. Analyses and interpretations]. In M.L. Gasparov, *Izbrannyye trudy* [Selected works] (Vol. 4). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.

Kholshevnikov, V.E. (Ed.). (1985). *Analiz odnogo stikhotvoreniya* [Analysis of a poem]. Leningrad: Leningradskiy universitet.

Leyderman, N.L. (2010). Liricheskiye zhanry: v “tsarstve sub”yektivnosti” [Lyric genres in the realm of subjectivity]. In N.L. Leyderman, *Teoriya zhanra. Issledovaniya i razbory* [Genre theory. Studies and analyses]. Ekaterinburg: Ural’skiy Gosudarstvennyy Pedagogicheskiy Universitet, 305–424.

Lotman, Yu.M. (1972). *Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha* [Analysis of the poetic text. Structure of a poem]. Leningrad: Prosveshcheniye.

Lotman, Yu.M. (1996). *O poetakh i poezii* [On poets and poetry]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb.

Mendelson, M.O. (1965). *Zhizn' i tvorchestvo Uitmena* [Life and work of Walt Whitman]. Moscow: Nauka.

Miller, J.E. (1966). The “Broad-axe”: arising shapes. In J.E. Miller, *A critical guide to Leaves of grass*. Chicago: University of Chicago Press, 90–103.

Nikitina, T.E. (2015). Sinesteziya kak khudozhestvennyy priyem v proizvedeniyakh I.A. Bunina [Synesthesia as art reception in works of I. Bunin]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsii* [Language. Culture. Communication], 1, 2015. Retrieved from: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/273/400> (date of access: 13.05.24).

Pogadayeva, E.V. (2023). Amerika kak bytinaya substantsiya v tvorchestve Uolta Uitmena (na materiale poem Song of Myself i Starting from Paumanok) [America as ontological substance in work of Walt Whitman (based on the poems Song

of Myself and Starting from Paumanok)]. *Vestnik Ryazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni S.A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named after S.A. Yesenin], 4, 97–108. <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.81.4.010>

Rosenfeld, A.H. (1968). The eagle and the axe: a study of Whitman's “Song of the broad-axe”. *American Imago*, 4, 354–370.

Sil'man, T.I. (1977). *Zametki o lirike* [Notes on lyrics]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

Sirotinskaya, M.M. (2017). Ideya “predopredeleniya sud'by” v vospriyatii amerikanskikh sovremennikov: seredina XIX v. [Idea of “manifest destiny”. Perception by American contemporaries (mid. 19th century)]. *Vestnik RGGU* [RSUH/RGGU Bulletin], 2, 101–113.

Smith, F.M. (1940). Whitman's poet-prophet and Carlyle's hero. *PMLA*, 4, 1146–1164.

Venediktova, T.D. (1982). *Poeziya Uolta Uitmena*. [Poetry of Walt Whitman]. Moscow: Moskovskiy Gosudarstvennyy Universitet.

Whitman, W. (2011). *Leaves of grass*. New York: Library of America.

Для цитирования: Погадаева, Е.В. Топор как воплощение «американского» в «Песне о тополе» (“Song of the Broad-Axe”) Уолта Уитмена // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 3. С. 78–97. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-3-78-97

For citation: Pogadaeva, E.V. Broad-axe as symbol of Americanness in Walt Whitman's “Song of the broad-axe”. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 9 (3), 78–97. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-3-78-97

BROAD-AXE AS SYMBOL OF AMERICANNES IN WALT WHITMAN'S "SONG OF THE BROAD-AXE"

Evgeniia V. Pogadaeva, Postgraduate Student at the World Literature and Culture Department,
Assistant Professor of Linguistics and Translation Department, Perm State University (Perm, Russia);
e-mail: motus.animi.continuus13@gmail.com

Abstract. The article aims to analyze Americanness in Walt Whitman's poetry on example of one of his essential works, "Song of the Broad-Axe". The relevance of the study is due to the importance of Walt Whitman for world literature, as well as little study of ontological foundations of Americanness in his work. It is concluded that Whitman was looking for ontological foundations of recently emerged America and appealing to natural, primitive origins of all things. Wood and metal, being once processed by man, are turned in the poem into a mythological image of a broad-axe that serves as a universal instrument of creation able to produce material and immaterial images and shapes of America, locus amoenus, and its citizens, Americans. In Whitman's lyrics Americans are daring, free, independent, creative, adventurous titans being in a perfect moral and physical state, having both male and female characteristics. They appear as pioneers discovering new lands, as developing and moving forward people. At the end of "Song of the Broad-Axe" they become universal, cosmic citizens of the Earth and the world. The broad-axe, serving in the poem as the representation of the European values, once brought by Americans from Europe, stop being European and became the symbol of America, the national mythologem of a new young country opposed to the old and corrupt Europe.

Key words: Americanness, New World, New Man, ontology of Americanness, pioneers, Walt Whitman, "Song of the Broad-Axe"

